Сергей Леонидович Рубинштейн

Тактика и стратегия этики

Идея воинствующего добра. Формирование человеческих отношений (отношения человека с другим человеком) как моральная дуэль, как борьба, оружием в которой является активное хорошее отношение к другому человеку. Мое отношение к другому человеку должно обезоружить его дурные намерения, демобилизовать их, ставить его в такие моральные условия, при которых лишаются почвы, мотива его дурные отношения. (Происходит) активная перестройка (детерминация) поведения других людей, изменение моральных условий их поведения (на основе моего) активного отношения к ним.

Всякое поведение человека — хочет он того или нет, — поскольку он живет в общении с другими людьми, есть воспитывающее поведение: оно оказывает то или иное формирующее воздействие на другого человека. Поведение, поступки одного (каждого) человека как то, что обусловливает моральное поведение другого человека. Надо определить свое поведение так, чтобы поставить его в ситуацию, требующую с его стороны морального поведения, мое поведение должно стать условием его морального поведения. Это и есть воспитание как действенное отношение к людям, направленное на моральное формирование людей. Воспитание в этом смысле — не только педагогическая, но и моральная проблема, и, только так поставленная, она может дать педагогический эффект.

Я не реагирую на его поступки, а учитываю эффект, который производят на него мои поступки. Я оцениваю каждый свой поступок как условие, в которое ставится другой человек.

Долой этику жалости, сострадания (не во имя жестокости, не во имя здоровой белокурой или какой-либо другой бестии) — во имя воинствующей этики борьбы за совершенствование человека.

Не только поведение, но самая жизнь человека выступает как морально обусловливающая совершенствование другого человека. Самое существование такого человека делает других людей лучше.

Этика выявляет условия, при которых отношение к человеку адекватно ему как человеку. В любви ее объект существует для любящего не как объект, орудие, средство, а как субъект. В самой общей форме это вообще характеризует отношение к другому человеку: другой человек, будучи дан как объект, вызывает к себе отношение как к субъекту. Я для него объект, которого он, в свою очередь, принимает как субъекта.

Теория этического познания. Человеку в жизни непрерывно приходится решать не только технические, логические, но и этические проблемы. Этика имеет дело не только с поведением и мотивацией, но и с мышлением — с решением определенных жизненных проблем: как в данных условиях относиться к другому человеку, как поступить по отношению к нему. Решение этих вопросов, так же как и всякое мышление, требует анализа конкретной ситуации, задачи и обобщения, актуализации и применения определенных принципов. Основное в конечном итоге заключается в том, как относиться и поступать по отношению к людям по-человечески, однако конкретно должно быть определено, в чем это должно в каждом частном случае выражаться.

Это определяется в результате решения этических проблем, которые на каждом шагу ставит перед человеком жизнь, этических противоречий, с которыми человек на каждом шагу сталкивается. Самые положения этики, которые служат принципами, большими

посылками при решении этих проблем, выявляются, строятся путем анализа фактического хода событий и последствий, которые влекут за собой действия и поступки в определенной обстановке. Анализ последствий (резонанса) своих поступков по отношению к другим людям, результатов их поступков по отношению ко мне, воздействий поступков людей друг на друга в смысле построения и развития их человеческой сущности — такова та эмпирия, «онтология», из анализа и обобщения которой рождается и формулируется этическая теория.

Два пути, два направления и точки приложения действий человека.

1. Изменение внешних условий общественной жизни, снимающих внешние причины моральных трудностей человека и его жизни, внешних источников моральных конфликтов.

2. Формирование внутренней позиции, внутреннего отношения к любым конфликтам, которые приносит жизнь, к любым противоречиям, которыми она может оказаться чреватой.

Верность и искренность. Обязательства, которые я принимаю на себя перед другими людьми на будущее, предполагают абстракцию от привходящих новых обстоятельств. Способность абстрагироваться от них, сохраняя верность, неизменность в будущем, в новых обстоятельствах линии, которая сложилась у меня в нынешних обстоятельствах. В этом заключены внутренние противоречия. В новых, будущих обстоятельствах, порождающих новые тенденции, желания и т. д., сохраняя верность принятым обязательствам, я могу оказаться неискренен, выполняя принятые обязательства формально, лицемерно. Неискренность, т. е. изменение верности себе будущему, изменившемуся, либо, сохраняя верность себе, я должен буду нарушить верность принятым на себя обязательствам, нарушить верность обязательствам, принятым перед другим человеком. Либо неискренность, либо неверность, либо неверность своим обязательствам, либо неверность самому себе. Суть в том, чтобы, оставаясь верным своим обязательствам, остаться верным самому себе, остаться самим собой в изменившихся обстоятельствах. В этом есть разрешение жизненных противоречий.

Голос совести — переживание конфликта или разлада, неадекватности между тем, что человек непосредственно переживает (а не только абстрактно признает) как добро, и тем, что он делает или допускает (или упускает). Наличие у человека совести — это наличие в нем внутренней инстанции, которая непрерывно морально реагирует на все, что происходит, что он делает. Необходимым условием наличия совести является переход представлений о добре и зле из сферы абстрактных положений, о которых ему известно, в сферу непосредственных переживаний. Голос совести — это «суждение», суд, осуществляющийся в виде непосредственной реакции, непосредственного переживания чего-то как добра (или зла) и обусловленной им непроизвольной реакции на все моральное (этическое) по содержанию (непроизвольной по форме). Представление о добре, вошедшее в качестве переживания в жизнь человека, это и есть совесть.

Долг и влечение. Здесь должна быть преодолена кантовская формальная антитеза, представляющая подстановку качества, в котором нечто выступает, на место того, что выступает в этом качестве и заодно обладает другим, противоположным качеством. Согласно этой антитезе есть: долг, должное, к которому меня не влечет, к которому сердце не лежит, которое меня от себя отвращает, внушает отвращение, и нечто, что меня влечет, но как противоположное долгу, и не заключает в себе ничего этического, доброго, хорошего — хорош же в таком случае я!

Добро вне его чуждо, враждебно ему, его влечениям, так же как он и его влечения чужды всему, что есть доброго и человечного, —

это фальшивая антитеза, порожденная формально-логическим мышлением — подстановкой понятий, выражающих качество, в котором нечто выступает в качестве того конкретного, что, обладая этим качеством, обладает и другим — противоположным. Согласно Канту, долгом в чистом виде является добро, утратившее или лишенное всякой привлекательности. Это значит, что все добро чуждо человеку, а потому в нем нет влечения ни к чему доброму. На самом деле, одно сознание, что нечто есть добро (долг), имеет нравственное содержание, достаточное, чтобы вызвать побуждение сделать это. Это не влечение в специфическом смысле слова, но тем не менее побуждение достаточной силы, чтобы обусловить поведение вопреки «влечению». На самом деле там, где есть серьезные нравственные конфликты, один долг выступает против другого долга и обычно в какой-то мере одно влечение (в виде, скажем, привязанности к семье, к женщине, с которой была связана вся прошедшая жизнь, к детям) выступает против другого влечения (новая любовь к другой женщине). Этот спор серьезен только тогда, когда это спор добра с добром, там, где есть влечение, не отпадает вопрос о нравственном содержании того, что влечет. Во всяком серьезном этическом конфликте добро, а не зло борется с добром. Там, где зло борется с добром, этически все заранее решено (здесь вообще нет этической проблемы). Там, где зло борется с добром, нужны не этические размышления, а несгибаемость мужества, непреклонность борьбы. Бывает, конечно, и так — мертвый долг, к которому не влечет человека ничто, никакая потребность, который существует лишь в прописной морали, а не в самой жизни человека, с одной стороны, С другой — голос влечения, лишенный какого бы то ни было человеческого значения, морального содержания, но горе тому, у кого бывает так. И во всяком случае, это не этическая проблема, она лежит по ту сторону этики.

В действительности все гораздо сложнее: во всяком подлинном, искреннем человеческом влечении есть нравственное содержание (долг) и в каждом долге — пока идет борьба — есть элементы влечения (в виде, скажем, привязанности). Борьба у человека всегда в какой-то мере переносится в этическую плоскость, но здесь наличие более сильного влечения легко порождает моральную казуистику — подчеркивается, выступает на передний план, акцентируется нравственное содержание в том, к чему направлено более сильное влечение, и маскируется нравственное содержание отношений, с которыми оно вступает в конфликт. Таким образом делается попытка решить спор в этической плоскости, но нравственная картина искажается. Первая задача нравственного сознания заключается в том, чтобы увидеть и восстановить истинную нравственную картину. Сохранение *status quo* не может быть признано принципом, лежащим в основе моральных решений, иногда приходится рвать одни — старые отношения и строить новые, но решающим остается вопрос о том, что разрушается и что создается с точки зрения нравственной ценности.

Страдания, которые при этом наносятся другому человеку, не могут не учитываться, но жалость вместе с тем не может быть высшим принципом морали. Решающим в конечном итоге является нравственное качество того, что разрушается и что создается. Бороться нужно за нравственно совершенствующее человека отношение, а не за человека, не знающего страданий. Паника перед необходимостью страдания так же неправомерна, как и культ страдания как средство самоусовершенствования или путь к совершенствованию другого человека. Основная направленность этики на совершенствование другого человека, самоусовершенствование должна быть не целью, а результатом.

Проблема оценки, значимости, отношения есть генеральная проблема психического. При отражении мира субъектом психическое всегда выступает как «определитель» не только того, что нечто есть, но и того, каково его отношение к субъекту (и тем самым — субъекта к нему). Отправная точка, ведущая затем к этике (также к познанию), — в самих истоках жизни.

Жизнь человека — это тоже способ бытия, специфический способ существования, поэтому жизнь человека выступает как новая онтологическая категория. Специфический способ детерминации, отражающий коммуникацию (общение), взаимосвязь людей друг с другом, — специфическая сфера взаимодействия, взаимосвязи, взаимоотношений людей друг с другом, в которой осуществляется их бытие (бытие человека). Познание моральной истины осуществляется как включенное в жизнь, идущее из нее, ею обусловленное.

«Психоанализ» человеческого поведения — интерпретация человеческого поступка должна быть сделана подобно интерпретации речи — как раскрытие значения и смысла человеческого действия, поведения.

Духовная история человека — история того, как изменяется значение, смысл происходящего, как происходит переосмысливание и переакцентирование и в связи с этим изменяется отношение человека к окружающему (каково отношение человека и к чему). Отсюда проистекает изменение мотивации. В психическом отражении происходит раскрытие жизненного смысла, значения событий для личности. Отсюда — отношение ее к происходящему. Переосмысливание жизненных явлений, переакцентирование происходящего, смена законов (положительный — отрицательный) и значений — это духовная история личности, ее духовная жизнь.